

12+

Борис Базарнов

Мир безбрежен

Стихи подросткам

Борис Александрович Базарнов

Стихи подросткам

Мир безбрежен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44726195

SelfPub; 2019

Аннотация

Каждый стих этой книги – это взгляд человека в пути из детства во взрослую жизнь. Сказка ещё не ушла от него, но уже виден безбрежный мир. Подросток стремится понять и ощутить его. Он пока не знает свои возможности, ему только открываются красота и сложность духовного мира и космоса. Он становится активным участником этой многообразной жизни.

Детство

Рассеял серость свет небесный,
И засиял вновь день чудесный,
Промытый ласковым дождём.

И мы во двор гулять идём.
По лужам весело шагаем.

Там, под навесом, за сараем,
Лохматая лошадка ждёт:
Танцует и копытом бьёт.

С ладошки мягкими губами
Берёт краюшку и, за нами,
Выходит на поляну в парк.
От луж ещё исходит пар.

И мы, по очереди, скачем.
Лошадке в радость, не иначе,
С мальчишкой без седла скакать.
Всё лучше, чем одной стоять.

Потом пасётся на лужайке.
А мы, кто полугол, кто в майке,

Гоняем до упаду мяч.

Домой идём, песок горяч.

Лошадку хлопаем и гладим.

Мы с ней всегда прекрасно ладим.

Какая сила в ней живёт!

А вот и мама нас зовёт...

Беспечно детство, мир безбрежен.

Темнеет небо, вечер нежен.

Серьёзность

Мама сказала: «Ты, Вася, большой.

Будь посерьёзней, и рожи не строй».

Вася серьёзнуть стал прямо на глазах:

Губы сжал плотно, серьёзность в бровях.

Складки на лбу глубоко залегли.

Стал он похож на боксёра Али.

Вышел во двор, на щенка посмотрел.

Тот в конуру убежал, оробел.

Вася серьёзно ходил вдоль двора,

Слушал – на речке шумит детвора.

Он же серьёзно на лавку присел,
Кошку погладить всерьёз не посмел.

Вышла сестра и давай хохотать.
Вася напруг всю серьёзность опять.
Очень серьёзный сидел перед ней,
И, чем серьёзнее, тем и смешней.

«Зеркало – на! На себя посмотри!»
Вася увидел боксёра Али,
Щёки надул, стал мяукать, фырчать,
Ну а потом, – над собой хохотать.

Волевой Вася

Маменька Васю слёзно просила:
«Волю свою не испытывай силой.

Душ ледяной пять минут принимал,
С жаром потом две недели лежал.

Руку булавкой зачем-то колол.
Лучше заняться себе не нашёл.

Помнишь, три ночи в деревне не спал.
Стоя уснул и на землю упал.

Спичкой зажженной всю руку ожёг.
Брось голодать. Образумься, сынок!

Волю не надо воспитывать, милый!»

.....
Так, чуть не плача, мама просила.

Самый умный

Ваня ходит в пятый класс,
Много книг читает,
Самый умный среди нас,
Всё в уме считает.

Мы спросили: «Сколько книг
За всю жизнь прочтёшь ты?»
Ваня головой поник,
Разве всё учтёшь тут.

«Если тридцать лет читать,
В день по книжке целой».
Ваня стал в уме считать,
В этом он умелый.

Тысяч десять получил.

Что-то слишком много.
«Ты бы в стопку их сложил» -
Молвил мальчик Гога.

Ваня так наморщил лоб,
Как те книжки в стопке.
«Это ж будет небоскрёб,
Выше вон той сопки!»

Мы стоим, открыли рты,
Головы задрали
Так, что хрустнули хребты,
И мы все упали.

Дожить бы до пенсии

Эх! Скорей бы дожить мне до пенсии,
Чтоб в метро всюду ездить бесплатно.
Плеер в ухо, и с клёвыми песнями -
Десять раз: и туда, и обратно.

А в автобусе мчать, вот занятно,
Обгонять всех, маша из окошка.
Только жаль, отставать неприятно.
Я бы скорость добавил немножко.

А в трамвае, так вовсе прекрасно,
Прыг, то в первый вагон, то в другой.
Говорят мне, что это опасно,
Но, что может случиться со мной?

Я ж не лезу, где всё отгорожено.
И хотел бы залезть, да нельзя.
Вот куплю десять порций мороженого
И объемя, на зависть друзьям.

А свободного времени сколько!
Все – в лицей, я ж пойду на футбол,
Если свиснет под окнами Колька.
И никто не поставит мне кол.

Взрослый всё может делать без спросу.
А на пенсии жизнь – красота.
Но мой дед, хоть и был он матросом,
Говорит, что теперь жизнь не та.

Мечтатель

Мальчик за стол сел и взял белый лист.
Взгляд его ясен, задумчив и чист.

Мальчик – художник, мечтатель, творец,
В мыслях представил роскошный дворец.

Мощная стража стоит у ворот,
Дать может всем от ворот – поворот.

В башне высокой принцесса живёт,
Рыцаря славного любит и ждёт.

С войском ушёл он страну защищать.
Жив ли теперь он? Разбита ли рать?

Ждёт и не знает, что голубь летит
С вестью, что жив он, а ворог разбит.

Следом и рыцарь, и войско идут
В крепость, в дома, где их любят и ждут.

Весть долетела. Выходит трубач,
Звуки несутся, взметнулся кумач.

Праздник! Победа! Ликует народ.
А во дворце победителя ждёт

Старый король и красавица дочь.

Как в любой сказке должно быть, точь-в-точь.

Рыцарь с невестой идут под венец.

Пир во дворце, а всей сказке – конец.

Тут со двора вдруг доносится свист.

Мальчик – к друзьям, лист – по-прежнему чист.

Спорт

Спорт увлекает, завораживает нас

И красотой, и напряженьем сил.

Кто в состязании участвовал, хоть раз,

Тот сам, наверно, это ощутил.

В борьбе спортивной нам возможности даны

Себя узнать, характер проявить:

Не сникнуть, выдержать, когда побеждены,

И вновь идти вперёд, и победить.

Здесь закаляются и тело, и душа.

Окрепнет воля, и победе быть.

Но к ней надо идти упрямо, не спеша.

И тренировки надо полюбить.

На каждой тренировке семь потов сойдёт.

Устанет тело, а в душе подъём.
И обязательно уверенность придёт,
Почувствуешь себя богатырём.

Но меру сил своих всегда полезно знать,
Ведь это в жизни очень пригодится.
Начнёшь не только лень и скуку побеждать,
А сможешь и на большее решиться.

А спорт большой придёт, как праздник. Он для всех.
Рекорды – это вехи и пределы.
И пусть нас радует заслуженный успех.
Все, как один, шагаем к спорту смело!

Счастье

Рецепт счастливой жизни очень прост:
В преодолении себя мы чувствуем свой рост,
Растущий же тем и счастлив, что он растёт.
Вся жизнь его, как радостный полёт.

Очарован простором

Молодой тонкоствольный берёзовый лес
Дотянулся листвою до самых небес

И стоит, очарован простором,
В синем небе зелёным узором.

Подчиняясь мелодии вольных ветров,
Наклоняются плавно вершины стволов.

Шелест крон то растёт, то стихает.
А внизу пятна света играют.

И скользят, и искрятся их лики
На росистом ковре земляники.

По грибы

Настало время для грибов.
У каждого лукошко.
Идём до самых сосняков,
За огород с картошкой.

Нас – раз, два, три, четыре, пять,
И начинаем мы искать.

Вот первый гриб боровичок,
За ним малюсенький сморчок.
Под ёлочкой маслята,
Как малые ребята.

Споткнулась Надя. Вот так гриб!
Крепыш, грибочек белый.
Без нас в лесу он бы погиб,
Да сам нашёлся смелый.

Пеньки замшелые стоят,
Под ними множество опят.
Собрать не так-то их легко,
Но и желание велико.
Над ними дядя Боря,
Собрал их всё же вскоре.

Вот подберёзовик стоит
Со шляпкой набекрень.
К нему Андрей уже спешит,
Искать ему не лень.

Среди берёзок разбрелись,
Ауканье звучит.
А Солнышко уходит ввысь,
Уж высоко стоит.

У Тани полный кузовок.
Всё больше сыроежки.
Но видит вдруг ещё грибок.

Есть повод для пробежки.

У Иры крупный маховик
В корзину еле влез.
К таким вот вылазкам привык,
Наверно, этот лес.

Тропинка быстро привела
В наш домик-теремок.
Малышка-кошка подошла,
Понюхала грибок.

Кошка – Малышка

Малышка – чудесная кошка
Хозяйкой на даче живёт.
Не может сидеть у окошка,
Хватает ей всяких забот.

Во-первых, людей поселила
В свой домик, что в два этажа,
Чтоб как-то уютнее было,
А в сад поселила ежа.

Семья у него большая,
Вот пусть и половит мышей.

Хорошо, по ночам гуляя,
Смотреть на его малышей.

Во-вторых, собак выгоняет
(Сюда забредают они),
К порядку их приучает,
Распустились, гуляют одни.

Подремлет в кресле немножко,
Позволит погладить себя,
Посмотрит часок в окошко,
Вот и прошло полдня.

Мяукнет – ей дверь отворяют.
Гуляет, травку жуёт,
Смотрит, как птички летают.
Захочет – в гости идёт.

Люди ласкают Малышку.
Каждый хочет ей услужить.
Вот и сейчас с мальчишкой
Пошла она рыбу удить.

Рыбалка

Идёт тепло от солнечного света.

Текут в нас токи от сырой земли.
В объятиях безудержного лета
Мы здесь покой и радость обрели.

Изгиб реки, холмы и перелески.
И рыбаки достоинства полны
Торжественно вытягивают лески
И вытирают руки о штаны.

Пора и нам идти костёр готовить.
Уха к обеду будет хороша.
Начнёт вода в ведёрке колобродить,
А мы почистим рыбу, не спеша.

Опустим в воду добрую заправку.
Ушицы дух дойдёт до рыбаков.
Накормим всех, и хватит на добавку.
Да я и сам ведь к этому готов.

Все разомлели от ухи и чая
С дымком и земляникой, ну а мы
Идём к реке, слепней не замечая,
И слушаем, хвостами бьют сомы.

Костёр

В надвинувшейся тьме клочок пространства
Мы отобрали, распалив костёр.
Над нами полный звёздного убранства
Раскинулся невытканый шатёр.

Гугукает в лесу ночная птица.
Растительность объята тишиной.
Костёр едва высвечивает лица,
Заворожённые той огненной игрой.

То рдеют, то темнеют головешки,
А то и распалятся добела.
А чуть подбросишь новые полешки,
Из них закапает янтарная смола.

Сперва поднимется от них дымок смолистый
И с искорками улетит во тьму.
Потом костёр с шипеньем и присвистом
Нарушит эту леса тишину.

А мы сидим у грани тьмы и света,
И времени не замечаем ход.
И нас несёт родимая планета
На встречу с Солнцем, прямо на восход.

Берёзовый лес

Светлой грустью наполнен берёзовый лес.
Сколько в нём есть красавиц высоких,
Окунувших листву в синь бескрайних небес,
И, как будто, совсем одиноких.

Им не просто держаться в разгулье ветров.
Под порывами стан их согнётся.
Только стон, еле слышный, понятный без слов,
В высь пустую от них унесётся.

На холме

Прозрачен воздух в час рассветный,
Осенний лист едва дрожит.
Иду опять на холм заветный.
Мой верный пёс за мной бежит.

Ему знакомо это место.
Он рыщет радостно в кустах.
Всё непоседе интересно,
Гоняет шумно бедных птах.

Вот холм. Какие здесь просторы
Открылись! Тают вдалеке.
Нарядной осени узоры

Плывут в изгибистой реке.

Плывут и тучки кучевые.

Ярило-Бог их золотит.

Кружатся коршуны степные,

И невесомый пух летит.

Легко дышать таким простором.

Вбираю твердь и небеса.

Здесь, на холме, открыта взорам

Неизъяснимая краса.

Остановилось ли мгновение,

Иль я застыл заморожён?

Пёс мордой тычется в колени.

Разделит чувства вряд ли он.

Барбос

Открылась дверь, вошёл Барбос.

Он сумку в комнату принёс.

Поставил рядом, смотрит, ждёт,

Хвостом лишь иногда вильнёт.

А в сумке зонт, подстилка, плащ

И, главное, зелёный мяч.

Барбоска хочет погулять
И в мяч со мною поиграть.

А у меня завтра зачёт
И прочих дел невпроворот.
Не переделать всё, хоть плач,
А в сумке – наш любимый мяч.

И рядом топчется Барбос,
Весёлый взгляд и мокрый нос.
Мой верный, мой лохматый друг.
Ведь подружились мы не вдруг,
А целый год мы каждый день
Гуляли с ним. И мне не лень
Готовить для него еду,
И шерсть чесать, и чистоту
Поддерживать в лохматом теле.
Умнейший пёс. И, в самом деле,
Без слов он может понимать
Всё, что хочу ему сказать.

Вот мотанул он головой.
Что ж, упросил. Идём со мной.

Прогулки место – стадион.
Здесь может порезвиться он.

Вот далеко бросаю мяч.
За ним бежит Барбоска вскачь.

Хватает и – через забор.
К кустам летит во весь опор.
Над низкой скошенной травой
Несётся он живой стрелой.

В кусты влетает сгоряча.
Потом выходит без мяча.
И мне всем видом говорит,
Что мяч совсем не там лежит.

Но я к кустам бегу, смеясь,
А он под носом, изловчась,
Из рук выхватывает мяч.
В восторге кружится лохмач.

Не заманить его домой.
Уж больно увлечён игрой...

На смену мне идёт сестра,
А мне домой идти пора.

Лес

Лес осенний над тропкой сомкнулся.
Тяжело от орехов кустам.
Узнаю это место, вернулся
Я к заброшенным этим местам.

Лес, спасибо за эту награду.
А теперь не замай на пути.
В душу влей медовую усладу,
Помоги по чащобам пройти.

И в ответ прошумели вершины,
Поманили по тайным тропам.
Покачнулись слегка исполины.
Что ж, теперь дай Бог лёгкость ногам.

Вот внезапно раздвинулись чащи.
Всюду солнце блестит на росе.
Мне в пути попадаются чаще
Ягод заросли в спелой красе.

Хорошо без тоски и желаний
Раствориться в бескрайнем лесу.
Невидимкой из древних сказаний
Сокровенную видеть красу.

Всюду призрачность тени и света,

Аромата лесного настой.
Этот лес – колыбель человека,
Да и сам он, конечно, живой.

На воле

Избыток чувств мне сердце разорвёт.
Вперёд!
На волю! На природу, где леса,
Лугов краса!
Я не могу смотреть на кустики цветов
Среди домов.
От воздуха меня тошнит, асфальт мне пятки жжёт.
И вот,
Освобождён от городских оков.
Оставив кров,
Я по траве босой и мокрый весь бегу,
Уж как могу.
И только сердца ритм в моём мозгу стучит,
Спешит, спешит.
Куда торопит? Я не знаю сам.
Вперёд! К лесам!

Под травую, ох! не видно, где земля.
Оступился, покатился. Ох! росисты зеленыя.
И лежу. Земля сырая подо мной.

До чего же свод небесный голубой!
А душа от чувств и пения бурлит.
Хоть свежо, но тело всё огнём горит.

Дальше – гуще: травы, травы.
Стрекотание, пение птиц.
От цветов иду, как пьяный.
Воля! Воля без границ.

Вот дорога по откосу. Пыли всплеск.
Песня слышится, взлетает до небес.
Мне навстречу деревенские, загорелые, идут
Девушки, просты и женственны, и смеются, и поют.
И хоть все несут букеты, каждой я дарю цветок
И бреду, опять беспечный, к Солнцу, прямо на восток.

Свобода

Покинув тесные объятия квартиры,
Мы вышли в неоглядные поля.
Над нами высь бескрайняя в полмира,
Под нами сокровенная земля.

Нас приняла в объятия природа,
И мы поверили в дыхание её.
Но эта безграничная свобода

Вонзает в наше темя остріе.

Мы сами стали частью мироздания,
Где всё живёт, от травки до звезды.
И вяжет нас вот это понимание,
И управляет нами без узды.

Мы космонавты

Мы – космонавты. Летим на Земле,
На маленькой точке в просторах вселенной,
В тапочках, в кресле, в уюте, в тепле
И с мыслью большой о судьбе нашей брэнной.

Где же она, сверхтончайшая связь,
Что нас единит с бесконечным простором?
За окнами ветер, дождик и грязь,
И пёс одинокий сидит под забором.

От звездных просторов стынет душа.
И сердцу, как пёсику, так одиноко.
И всё-таки, братцы, жизнь хороша!
Какая уж есть и без связи глубокой.

Кончился дождь, и пробились лучи.
Дохнуло теплом и лугов ароматом.

Жизнь торжествует, ликует, звучит.
Любовью охвачен космический атом.

Полёт

В осенний день, в рассветный час
Летим мы над землею.
Всё, что охватывает глаз,
Охвачено зарею.

Туманы тают без следа.
Проявлен лик Земли.
Он чист и ярок, как вода,
Блеснувшая вдали.

Ещё листву не обмело
Ветрами и дождями.
И на душе ещё светло,
И Солнце пока с нами.

Оно тепло и радость льёт,
Ласкает нас лучами.
И сердце сладостно замрёт
Над тихими полями.

Весёлый полёт

Ветерок над поляной играет,
И душа пушинкой летает
Над не кошенной мягкой травой,
Над искрящейся тихой рекой.

То поймает солнечный луч,
То коснётся лохматеньких туч,
То взлетит на лихого конька
И закружится в вальсе слегка.

Хорошо так парить над землёй,
Видеть пташек, резвящихся, рой,
Ароматами леса дышать,
Над цветущей поляной летать.

Мне хотелось бы петь так и петь,
Но боюсь я домой не успеть.
Скажут мама и папа: «Где дочь?
Надвигается туча и ночь».

Прилечу я пушинкой домой,
Сяду где-нибудь рядом с тобой,
Пропою про весёлый полёт
Всем, кто в доме так любит и ждёт.

Куда душа во сне стремится

Всему живому нужен сон,
Одной действительности мало.
И я, от мира отрешён,
Склоняю голову устало.

В мир ирреальный ухожу,
Неуправляемый, случайный,
И там сомнамбулой брожу,
Туда смещая мир реальный.

Но как причудливо порой
Во сне сцепляются картины.
Не разгадаешь. Смысл иной
Вплетён в видений паутины.

Что зашифровано? Куда
Моя душа во сне стремится?
И мысль приходит иногда:
– А что там видят зверь иль птица?

И вдруг, окажется потом,
Что мозг сродни биомашине.
И крутятся не байты в нём,
А голографии картины.

И надо за ночь уложить
Объём видений в кладовые.
А утром снова можно жить,
Вбирая новости иные.

Странный сон

Приснился Тане странный сон:
Как будто папа удивлён,
Что Таня встала в семь часов,
Всё убрала без лишних слов,
Размяла уши, руки, ноги
(Как нам рекомендуют йоги),
Живою облилась водой.
Мёд и шиповника настой
Её наполнили теплом.
Ученьем занялась потом.

Затем, в минуты размышления,
Достигла сосредоточения,
Почувствовала мир большой
И, сохраняя тот настрой,
В делах бабуле помогла,
Поела и гулять пошла
(На полчаса перед учёбой,

Рассеяться немного чтобы).

А в школе был обычный день...

От дома удлинилась тень.

Вернулась Таня и с сестрой

Весёлой занялась игрой:

Здесь были куклы и качели,

И в прятки сыграть успели.

За ужином семьей всей были.

Потом посуду с Ирой мыли.

Затем немного рисовали

И, после сказки тётки Вали,

К урокам на часок присела,

И к десяти – в постель поспела.

Как день был складно проведён!

Недаром папа удивлён.

Татуля на бок повернулась

И тут нечаянно проснулась.

Всё это был лишь странный сон.

О, если б стал реальным он!

Об отношении к вещам

Об отношении к вещам наш небольшой рассказ.

Когда-то вещь была нова и радовала глаз.
Потом состарилась она, но пользу приносила.
– Как относиться к ней тогда? – внученька спросила.
– Возьмём, к примеру, этот таз.
По возрасту, он старше нас,
Но служит и сейчас, и много лет служил.
Хороший мастер, видно, труд в него вложил.
В нём бабушку твою в младенчестве купали.
Для мамы, для твоей, пелёнки в нём стирали,
Когда она ещё малюткою была.
Потом обстирывали всех. Такие вот дела.
В нём и сейчас бельё для стирки собираем,
Цветы, когда в отъезде, оставляем.
И перед нами он ничем не провинился,
Исправно служит, и пока не развалился.
В нём есть и красота, её лишь надо видеть.
Вещь старую не надо ненавидеть.

А тётушка твоя твердит нам всякий раз:
– Я не могу уже смотреть на этот старый таз.
Когда ж избавимся? Храните всякий хлам.
Купите новый. Я вам денег дам.

– Быть может, и она взгляд новый обретёт,
Когда на свете с наше поживёт.
Таз стар, и только этим он и виноват.

И я для вас, наверно, староват.

Пленник

Боязнь реальности – болезнь.
Мы ей подвержены отныне.
И я в мир виртуальный влез,
Лечу в компьютерной машине.

Кручу волшебное кино
Со скоростью движенья мысли.
Пространство мне подчинено,
Пока машины не зависли.

И в том пространстве я живу,
Забыв о времени реальном.
Над миром, как во сне, плыву.
Я – житель в мире виртуальном.

И пусть зима, метель, мороз,
И куча дел незавершённых.
А здесь, парю в пространстве грёз,
Я – пленник окон растворённых.

Прогулка

Выйдем в поле: копны сена,
Аромат лугов,
Всюду белые, как пена,
Островки цветов.

В пене той благоуханной
Путь наш, словно сон.
Сверху льётся непрерывный
Жаворонка звон.

Над цветами выются пчёлки.
Сенью манит лес.
Хороши берёзы, ёлки,
Сосны до небес.

Ах! Какие здесь голубы,
Загляденье куст.
Стали сини пальцы, губы,
А кусточек – пуст.

Тропка в травах утопает,
К реченьке ведёт.
А она в лучах сверкает,
Отдохнуть зовёт.

Отдыхая, смотрим в небо.

Облака плывут,
Уводя куда-то в небыль...
Соловьи поют.

Цветы

Все гладиолусы – как праздничный салют.
И каждый рвётся ввысь листьями и цветами.
Букеты гладиолусов несут,
Боясь коснуться лепестков руками.

Букет ромашек – воплощенная улыбка.
В нём столько радостного света и тепла.
Он исцеляет – это не ошибка.
Природа ошибиться не могла.

Подснежников букетик – сама нежность.
В ладонях его хочется согреть.
Как чудо, появляется подснежность,
Когда свежо ещё и некуда смотреть.

Глаза небес – простые незабудки.
На всех они доверчиво глядят.
Поэтому букетики-малютки
Напоминают маленьких ребят.

При слове «ландыши» – вдыхаем аромат.
Как будто бы зашли в весенний лес.
Здесь гроздя белых колокольчиков висят
Вблизи земли, а запах – до небес.

Сирени словно девицы-красавицы
Под ветром машут кипами цветов.
Они, наверно, всем хотят понравиться.
К ним столько тянется вздурманенных голов.

А Ирочке цветы все эти нравятся.
Ими, как красками, расцвечена душа.
Все качества цветов в тебе проявятся,
И будет жизнь тогда полна и хороша.

Радостный букет

Природа породила нас
И чудом жизни наградила.
Прекрасная и без прикрас,
Она всех нас объединила.

Мы все из полевых цветов,
Растущих в поле мировом.
Из их чудесных лепестков

Построен наш прекрасный дом.

И ты – в нём радостный букет,
Игра волшебного сияния.
Живи и здравствуй много лет!
Ведь ты – подобие мироздания.

Подарок осени

Нам подарила нынче осень
Остатки тёплых ясных дней.
Тропинки листьями заносит
Игривый ветер – дуралей.

Он и серьёзных раззадорит,
И те, задумчивость стряхнув,
Услышат лес. Он ветру вторит,
Ветвями в небе утонув.

Он весь открыт, ему не стыдно.
К покою он готов уже.
И отовсюду лесу видно,
Как мы застыли на меже.

И вместе с нами замер ветер,
Сон леса и его увлѣк.

Лишь тишина на белом свете
И света радостный поток.

Карантин

В нашей школе карантин,
Потому сижу один.
Не совсем один, а с кошкой,
Примостились у окошка.

Смотрим – вот идёт собачка,
С виду, вовсе не кусачка.
Подошла она к окошку,
Где сидим мы: я и кошка.
Долго смотрим друг на друга.
Кошка тоже, без испуга,
Наблюдает сквозь стекло.
Ей уютно и тепло,
Потому она, гордячка,
Смотрит смело на собачку.

Та весь двор наш обошла,
Что-то там в углу нашла.

Нам всё это интересно.
Что ей нужно – неизвестно.

Заблудилась ли чудачка?
Может, ждёт от нас подачку,
Может, ищет, где поспать.
Вряд ли сможем мы узнать.

На дворе большой мороз,
Нам не высунуть и нос.
Вот такой собачий холод,
Да ещё, наверно, голод,
Выгнал гостью со двора.
Есть ли где ей конура?

Стало очень, очень пусто,
Стало очень, очень грустно.

Снег в апреле

Весь воздух светом напоён,
Сиянием солнца, отражённым
В снежинках искрящихся. Он
Нас охватил замороженных,

Стоящих посреди снегов
В тиши такой, где нет ни звука.
И в ослепительный покров
Уходит вся земная скука.

А остаётся дивный свет
И снег, и небо голубое.
Объять всё это мочи нет.
Увидеть – счастье какое!

Минута ль то прошла иль век?
И зазвучало птичье пение.
В конце апреля – этот снег,
И это чудное мгновение.

Шуга

С окрестных гор сошли снега
И затопили берега.

Река проснулась, напряглась,
И тишина разорвалась.

Льды раскололись на куски,
Как будто, сжатые в тиски.

Пошли всей массой, всё сметая,
Крушась, вздымаясь и сверкая

Под солнцем радостного дня,

Красу свою ещё храня.

А сверху острые лучи
Творят хрустальные мечи,

Дворцы, хоромы выплавляют.
Они плывут, кружат и тают,

И завораживают взгляд.
Такой сверкающий наряд

Ещё Весна не надевала.
Но солнцу видно блеску мало,

И в каждой капельке оно,
Как будто бы, заключено.

Дождались мы. Шуга идёт!
Душа ликует и поёт.

Кристалл

Взрыв горные породы разметал
По крыше мира.
Потом геолог подобрал кристалл
В горах Памира.

В руках застывшая слеза богов
Теплом светилась.
Из недр земли, из глубины веков
Она явилась.

И, волею судьбы, издалека
Её частицу
Мне отослала добрая рука,
Как счастья птицу.

Лежит она прозрачна и светла,
Мой взор лаская.
Наверное, от радости текла
Слеза святая.

В мерцающей бездонной глубине
Взор утопает.
А свет, проникший в глубину извне,
Огнём играет.

Он будто бы идёт сквозь толщу вод,
Сквозь зыбь морскую.
А в гранях видим мы небесный свод,
Высь голубую.

Кристалл, как воплощённый в камне свет,
Всех согревает.
Воистину, прекрасней камня нет.
Кто видел – знает.

Сутки

Ночь растаяла, как привидение.
День пришёл, как божественный дар.
Совершает по небу движение
Ослепительный солнечный шар.

Просиял и спустился в долину.
Пламенеет вечерним огнём.
Тени выросли, как исполины,
Распластались на шаре земном.

Уходящее ловим мгновение.
Истончается солнечный край.
Угасает природы творение -
Светотеневый день: Ад и Рай.

Красота

Не липнет скверна к красоте.
Кто бросил грязь, тот грязным будет,

А красота всегда пребудет
В своей начальной чистоте.

Как воды чистого ручья
Вдруг замутятся от обвала,
Глядишь, вода лишь чище стала,
Струится в радужных лучах.

К незамутнённой красоте
Идём по грязи, грязь вминая,
Лишь красоту воспринимая
В её начальной чистоте.

Тишина

Живая тишина на утренней земле.
Под нежными лучами липы млеют.
Покой разлит и в поле, и в селе.
В садах плоды неслышно тяжелеют.

В бездонном небе ласточки кружат,
Трепещут крыльями в небесной сини.
Застывшие берёзы будто спят.
Не шелохнутся листья у осины.

В прозрачной синеве чарующий покой.

А зелень – это жизнь и всё живое.
Несут они нам радостный настрой
С тонами в жёлтое и золотое.

Оттенков зелени, пожалуй, не сочтём
В деревьях, травах и в болотной ряске.
Цветная тишина, мы в ней живём.
В этой земной неизъяснимой сказке.

Свет

Свет красный горячит и греет.
От золотого – силой веет.
Зелёный свет ласкает глаз,
А голубой – возносит к небу нас.

Светило изливает белый свет.
В нём нет ни радости, ни бед.
Мы сами, как художники, берём
Нам нужный свет и по нему живём.

Смех

Я только помню, что смеялся.
Остановиться я не мог,
И чуть по полу не катался.

Ну, хоть бы кто-нибудь помог.

С улыбкой на меня смотрели.

Что это рассмешило так?

Понять, над чем смеюсь, хотели.

Я ж объяснить не мог никак.

Произнесу одно лишь слово

И вновь захватывает смех.

И ведь я знаю, что не ново

И не смешно оно для всех.

Меня же что-то рассмешило,

Аж слезы сыпались из глаз.

А вспомнить, что смешное было,

Я не могу уже сейчас.

Танец

Корякский танец был в разгаре.

Оленьи шкуры развевались.

Танцоры, находясь в ударе,

Под звуки бубнов сотрясались.

Движения тайный смысл носили

Для нас, не знающих их быт.

Они ритмично в бубны били
В лучах, мерцающих софит.

Был необычен вид их дикий,
Уместный посреди снегов.
А здесь гортанные их крики
Не всякий слушать был готов.

И мы ушли. Ушло и лето.
Забылись голоса певцов,
Лишь помню дикий танец этот
И в крике взмокшее лицо.

В Крыму

Как птица парю в этом водном пространстве,
Где глубь изумрудная манит к себе.
Там рыбка волшебная, в медленном танце,
Мне машет хвостом, исчезая во мгле.

Я воздух, пьянящий, всей грудью вдыхаю.
Он запахи моря и солнца несёт.
Над пляжем, что будто кайма золотая,
Под тихий плеск волн смех девичий плывёт.

У парней на солнце улыбки сверкают,

У девушек платья несёт ветерок,
И мускулов бронза здоровьем пылает,
И греет тела золотистый песок.

Симеиз (Знак)

Все дороженьки петляют и ведут нас в низ –
Это склоны обнимает старый Симеиз.
Знак судьбы сюда привёл нас.
Жизнь здесь как в Раю.
Дни идут, блаженства полны,
На земном краю.

Моря даль слилася с небом: синь и бирюза.
Невозможно насмотреться, отвести глаза.
Воды чистые прозрачны,
Мозаично дно.
Все желания удачно
Здесь слились в одно:

Погрузиться в эти воды, в колыбель волны;
Пусть покачивают тихо, навевая сны.
Струи нежные ласкают,
Увлекая вдаль.
Горы в дымке исчезают,
И ничто не жаль.

В морском песке

В морском песке неведомый моллюск
свои оставил створки.

Ныряльщик юный поднял их со дна
и бросил на задворки.

На солнце яром пропеклись они
и красоту явили.

Тогда-то мы, прельстившись белизной,
одну из них купили.

Окаменевшим лепестком цветка
прелестница казалась.

И волнами жемчужной белизны
она переливалась.

С тех дней немало утекло воды,
но и сейчас порой,

Прильнувши ухом к ней, я слушаю -
шумит морской прибой.

Вечер

Над морем, над тихим посёлком у гор,

В мерцании звёздном, раскрылся простор.

И воздух вечерний, пропахший цветами,
Струится по склонам и между ветвями.

Нисходит на море дремотный покой,
И море вздыхает усталой волной.

Там шорохи слышны прибрежных камней,
И видятся всюду провалы теней.

Но этому тихому сну вопреки
Звучат над водою купальщиц смешки.

В горах

Нет! Всё вместить не может взор:
И гор причудливый узор,
И моря ширь, долин покой,
Жемчужный, пенистый прибой,

И неба синь, и клочья туч,
Повисших ниже горных круч,
И леса красочный ковёр,
Раскинутый в подножье гор.

Нет сил весь этот мир обнять,
Но я готов был там стоять,
Как зачарованный, весь день,
Пока не ляжет ночи тень.

Вдруг ты окликнула меня.
Пора идти. К исходу дня
Должны мы быть в долине той,
Что здесь зовётся Золотой.

Там лагерь наш и там друзья,
И медлить нам никак нельзя ...
Мы шли тропинкою крутой,
Держась за ветви, и порой

Не знали, дальше как идти:
Кругом обрыв и нет пути.
Тогда с опаскою, ползком
Я путь нащупывал носком.

Потом тебя держал, и вновь,
Все расцарапанные в кровь,
Сквозь дебри веток, град камней,
Мы к цели двигались своей.

И вдруг пред нами расступились

Кусты. И сразу очутились
Мы на поляне. Боже мой!
Какой же вид у нас с тобой!

От пыли словно побурели.
Растерзанные, еле-еле
Смогли мы дух перевести.
Ну, сколько ж можно так ползти?!

И рассмеялись – не беда,
Ведь впереди нас ждёт вода,
И там мы сможем отдохнуть
И вновь продолжить дальний путь.

Такая мысль для нас была,
Как ветер с гор. Она сняла
Усталость тела, как рукой.
А вид поляны был такой,

Какой возможен лишь во сне,
В чудесной, сказочной стране.
Ты песню звонкую запела,
И на тропинке, то и дело,

Склоняла низко гибкий стан
К неярким луговым цветам.

Потом опять был спуск крутой,
На этот раз уж небольшой.

И там расслышать мы смогли,
Как водопад шумит вдали.
Мы шаг ускорили. И вот
Полёт хрустальных горных вод

И брызг, сверкающих, каскад
Увидели. Я так был рад
В манящий радужный фонтан
Зайти, смыть пыль с дорожных ран,

Тупую жажду утолить,
Потом себя всего облить,
Как лёд холодной водой.
Ты блёстки брызг ловить рукой

Пыталась. Но их яркий свет
Вдруг исчезал. Лишь мокрый след
Они в ладони оставляли
И медленно в ручей стекали.

За ними взглядом ты следила,
И грусть, как тень от туч, скользила
В твоих очах. А я, меж тем,

Закоченев уже совсем,

На солнце грелся и смотрел,
Как водопад, гремя летел,
Как ты застыла у воды,
Присев на камешек, плоды

Как зрели мирно над тобой,
Как светел воздух голубой.
Казалось мне, что в этот миг
Я тайну красоты постиг.

Она проникла внутрь меня,
И я не знал счастливей дня.
А ты задумчивость стряхнула,
На шумный водопад взглянула,

Зашла за тёрна куст густой,
Разделась и, почти нагой,
К каскаду ловко пробралась,
От брызг рукою заслонясь.

И там о чём-то мне кричала,
И озорно рукой махала,
Но, слов не в силах разобрать
Сквозь шум, я мог лишь созерцать,

Как блики солнечных лучей
С улыбкой спорили твоей.
Потом к воде на миг прильнула,
Вокруг себя фонтан взметнула,

И тотчас, словно из огня,
Прочь из холодного ручья
На камни тёплые скользнула,
И к солнцу руки протянула ...

Таких вот необычных дней
Немного в памяти моей.

Верблюд

Верблюд шагает по планете.
Один. Нелёгко его путь.
Неприхотливей всех на свете,
Найдёт он воду где-нибудь.

Нам и представить невозможно,
Как девять месяцев не пить.
А для верблюда всё возможно;
Он и в пустыне может жить.

Земля и воздух в жутком зное,
Колючки редкие торчат.
В колышущемся этом слое
Лишь миражи его манят.

Но он обману не поддастся,
С пути прямого не свернёт
И, если целью сам задастся,
То Африку насквозь пройдёт,

И выйдет прямо к океану,
И воздух влажный он вдохнёт.
Но к горизонту и туману
Лишь долгий взор его уйдёт.

Да! он – корабль. Корабль пустыни!
В песках ему привольно плыть.
И гордый вид – не от гордыни.
Привык он так свободно жить.

Кот Васька

Из басни всем известно –
Кот Васька плут и вор.
Но вот что интересно,
И тайна до сих пор.

У Васьки есть ли совесть?
Ведь он умнейший кот.
И, своровать готовясь,
Он знает – кара ждёт.

И всё же, мяско стянет,
Сметанку подлизнёт
И, с мордочкой в сметане,
Спокойно так уснёт.

Он совесть в людях будет,
Взывает к доброте.
Ну, кто кота осудит?
Ведь времена не те.

Инстинкт зверей – не новость.
Природа – нас мудрей.
Кот Васька спит, а совесть
Пусть будет у людей.

Учёный кот

Известный с детства кот учёный
Привык у лукоморья жить.
Ему по нраву дуб зелёный.

Он любит сказки говорить.

Но в нашей жизни всё не вечно.

Златая цепь оборвалась.

До этого кот жил беспечно,

Пока имелась с дубом связь.

А тут открылись все дороги.

Иди, куда глаза глядят,

Куда несут кошачьи ноги

И мысли быстрые летят.

И стало страшно и тревожно.

Кого там встретишь на пути?

Назад вернуться невозможно,

И невозможно не идти.

Кот набирается отваги.

Один шаг сделал и другой.

Не в сказке это на бумаге.

А здесь у каждого – путь свой.

Представитель Земли

Корабль посетил Представитель Земли.

Достойней его никого не нашли.

Он ночью не спал и не спрятался в лес,
Увидев, как шар опустился с небес.
Землянин отважный на встречу пошёл
И смело внутрь шара по трапу вошёл.

Войдя же, мяукнул и вспрыгнул на стул,
Ушами повёл и хвостом шевельнул.
Со стула – на пульт, и по кнопкам пошёл.
Себя по-хозяйски, уверенно вёл.

За пультом сидел головастый пилот.
К нему, без боязни, приблизился кот.
Глядит – голова, как здоровый арбуз.

А был представитель наш вовсе не трус.
Пилота обнюхал, арбуз тот лизнул,
Свернулся на пульте клубком и уснул.
Полночи мурлыкал, ткнув нос в микрофон,
Поспав, потянулся и выпрыгнул вон.

А шар продолжал свой космический путь.
Пилоты не сдвинулись даже чуть-чуть
В том, чтобы понять, что мурлыкал наш кот,
И думали: «Мудрый народ здесь живёт!»

Размышления Светика и её друзей о скорости

– Сегодня Вова с Колей рассуждали
О скорости. Запутали совсем.
И мне вопрос даже задать не дали.
А я, зато, дам высказаться всем.

Скажи-ка, Шарик, что такое скорость?
– Когда я всех быстрее ем свой суп!
– Известно всем, что ты большой обжора.
А ты ещё хитрющий и не глуп.

Но тут котёнок Кася промяукал:
– А я могу быстрее всех заснуть!
– Да ты, мурлыка, всех нас убаюкал,
И хочешь лишний разик прикорнуть.

А что о скорости Букася скажет?
– А я запомнил ноты всех быстреей.
Сейчас могу легко пропеть их даже.
Они застряли в памяти моей.

– А мне так больше нравятся пятнашки.
Кого догнать не можем, тот быстреей.
Оставим им учёные замашки.

(Ишь, умники нашлись среди малышей!)

А мы помчались к речке поскорей.

Подземный ход

В нашем стареньком сарае
Есть подземный, тайный ход.
От собаки убегая,
Скрылся там наш Васька – кот.

Мы за ним. Там царство мыши.
Васька знал, куда идёт.
Вдруг, вдали журчанье слышим.
В темноте пошли вперёд.

Посветлело, ход открылся.
Водопад. Внизу – река.
Я с откоса покатился,
Оцарапался слегка.

За рекою видим чудо –
Динозавров. Как в кино.
Метров семьдесят отсюда,
Но опасно всё равно.

Подползли и увидали
Динозавров молодых,
В прятушки они играли,
И у речки – двух больших.

Динозавриха купалась,
Завр арбузы доедал.
Дина радостно плескалась,
Он же семечки плевал.

Я привстал, чтоб сделать фото.
Тут мобильник зазвенел.
Даже здесь достал нас кто-то.
Как я это не хотел!

Динозаврик оглянулся,
Нас заметил, и кричит:
«Вот он! Вот он!». Я проснулся,
А будильник всё звенит.

Динозавры

Жили на свете Сластя и Тёна.
Маленький Тёна был страшный сластёна.
Сладости Сластя тоже любила.
Мама, за слабости эти, не била.

Как быть, не знала добрая Дина
И становилась холодной, как льдина.
Силы не даст ведь сладное питанье.
Мужу бы взяться за их воспитанье.

А муж её, Завр, под грушей сидел
И сладкие груши, зажмурившись, ел.
Он понимал и Сластию и Тёну,
Дети его пошли в папу сладёну.

Зловредные острова

На «Зловредных островах», в Тихом Океане,
Вредины-зловредины в городах живут,
Совершают гадости вовсе не по пьяни.
Ну, а злостный пакостник – самый главный тут.

Слабых, ох, не любит он, сильных же – тем паче.
Слабым подзатыльники и пинки даёт.
С сильными приходится поступать иначе:
Он им в суп и в чайники всяку гадость льёт.

Вредина-зловредина, а соображает,
Что найдётся кое-кто повредней его,
И, боясь отмщения, в замок улетает,

И не подпускает там к замку никого.

Всё у него схвачено, и, на всякий случай,
Припасён летательный, странный аппарат –
Стратостатик с бочечкой, от сельдей вонючий,
Но и в нём удрать он может, аккурат.

Опасался сильных он, а нашёлся слабый,
Самый неудачливый из островитян.
Даже к его пакостям прибавляли «как бы».
Видно, в воспитании был большой изъян.

Скрылся слабый в бочечку. Кто его здесь сыщет?
Думал: «Чем напакостить» – да вдруг и уснул.
А над стратостатиком ветер воет, свищет,
А потом от привязей вверх его рванул.

И над океаном, прямиком в Зюсюкино,
Стратостатик «Вредного» этого принёс.
Спал он всю дорогу, ветром убаюканный.
Что же теперь делать нам? Вот большой вопрос.

Зловредный Гвоздь

Зловредный человек, в накидке-невидимке,
По воле случая, в Зюсюкино попал

И здесь торчит, как гвоздь в новёхоньком ботинке.
Не зря Букасенька его Гвоздём прозвал.

Во тьме крадётся он, накидкой укрываясь,
Затем, чтоб муравейник разорить и сжечь,
И поплясать потом, зловредно ухмыляясь.
А муравьёв в лесу ведь надобно беречь.

Для этого Гвоздя игра с огнём – забава.
Вот снова, прячась, он отправился в поход.
Он знает, есть здесь через речку переправа,
И хочет сжечь паром наш «Плотоход».

Но помешала бяке резвая лошадка,
Дала под зад, когда огонь он раздувал.
Гвоздь землю пропахал, пришлось ему не сладко,
До самой чащи, как ошпаренный, бежал.

Не успокоился, стал рыть подкоп под дубом.
На нём Букасенька уже сто лет живёт.
Спасти от гибели тот дуб смогли лишь чудом.
Спасибо, в бой вступил наш славный Борька – крот.

Гвоздь к дубу подошёл и делает зарядку,
А сам в земле тайком у дуба корни рвёт.
Тут Борька, как щипнёт, куснёт Гвоздя за пятку,

Тот, как подскочит, закружится, заревёт.

Задал всем жителям Зюзюкина задачку,
От этого Гвоздя избавиться бы нам.
Подсунуть бы ему целительную жвачку,
А лучше, пусть летит к «Зловредным островам».

Сказка.

Букася и его друзья

У Зюзюкино, деревни,
Дуб растёт огромный, древний.
Крону не охватишь взглядом,
Если встанешь с дубом рядом.
Виден дуб издалека,
Достаёт он облака.
Сто лет точно простоит,
Так крот Борька говорит.
А ему-то верить можно.
Землю рыть ему не сложно.
Всё облазил под землёй
Он со всей своей семьёй.
Корни прочные у дуба,
И нет рядом лесоруба.
Дуб не тронут топором.

Здесь, в дупле – Букасин дом.

Сам Букася не велик, и не мал.
Я его бы человечком не назвал.
В то же время он похож и на всех нас,
Те же ручки, те же ножки, пара глаз.
А головка, ну так просто, загляденье.
Это чудо – словно всем на удивленье.
И улыбка у Букаси хороша,
Видно сразу, что добрейшая душа.

У него есть за спиною пара крыл.
Это – главное, я это не забыл.
Все в деревне и в лесу Букасю знают,
И охотно его в гости приглашают.

Вот Букася над деревнею летит,
Видит – маленький котёночек лежит
На крылечке, у распахнутых дверей.
И Букашенька летит к нему скорей.

Почему никто за крошкой не следит?
Он в избушку, а там бабушка лежит.
Захворала, встать не может. Вот беда!
Им поможет лишь целебная еда.

Что же может быть полезней молока?
Ведь сильней его нет ничего пока.
Надо к тётё Маше без задержки мчаться.
Только там и можно молочко достать.
У неё Бурёнка щедро, круглый год,
Молочко целебное всем больным даёт.
Тётя Маша тоже приветлива, добра,
Нальёт это лекарство прямо из ведра.
Вот домой с ведёрком идёт она сейчас.
Ну, а ей на встречу Букася, в самый раз.

Не прошло, наверное, десяти минут,
Как Букася снова появился тут.
Накормил котёнка, бабуле кружку дал.
Самым лучшим другом для них теперь он стал.
Бабы имя – Дуня, а котёнка – Кася,
Так вот подружились Кася и Букася.

Бабушка поправилась, Кася повзрослел,
И гулял в деревне там, где захотел.
Каждый день Букася к другу прилетал
И, почти до вечера, с Касею играл.
А когда устанут, прибегут к избушке
И подолгу слушают сказки от старушки.

Как-то раз Букася сонливый прилетел,

Даже угощение в блюде не доел.
Он клонил головку, глазки закрывал,
На крылечке сидя, тут же засыпал.
Оказалось, ночью он мышей гонял,
И устал, конечно, ну, и не доспал.
Бабушка отправила Касю погулять,
Надо же Букасенке хоть чуть-чуть поспать.

А когда он выспался, бабушка сказала:
– А у нас-то нет мышей, будто не бывало.
Разогнал их Кася всех, мы беды не знаем. -
Тут и Кася прибежал: – Давай к тебе слетаем.

Поднялись. Видна деревня. Вот так высота!
Дальше луг с Бурёнкой, речка. В общем, красота!
А за речкой дуб огромный, в дубе том дупло.
В нём в жару всегда прохладно, а зимой тепло.
Перед самым входом в дом гладкая дощечка.
Опустились на неё, разве не крылечко.
Птицы исполошились все, зашумели враз.
– Я не трону ваши гнёзда, мне ведь не до вас, -
Так им Кася промяукал и полез в дупло.
А в дупле вполне уютно, чисто и светло.
Кася видит у стены мягкую перинку,
А напротив, у окошка, полную корзинку.
До неё и добирались мыши в эту ночь.

– Надо думать, – сказал Кася, – как тебе помочь.
Если норки забивать, прогрызут другие.
Их словами не унять, вредные такие.
– А давай изображу я тебя зубастым.
Напугаешь, и наш труд будет не напрасным. –
Взял Букася уголёк, бересты лист белый.
Оказалось, что художник он вполне умелый.

Получился Кася наш страшный и клыкастый,
И взъерошенный, как ёрш, да ещё глазастый.
– Я потрусь о лист, и пусть будет дух кошачий.
– Ещё лучше, оближи, будет дух тем паче.

К бабе Дуне прилетел радостный Букася,
Рассказал, портрет помог, испугались Касю.
Пусть у нор теперь стоит, всем мышам острастка.
Теперь точно не съедят все мои запасы.

Тут и Кася с крыши прыгнул, к другу подошёл.
– Сверху луг, деревню видно очень хорошо.
Но оттуда не рассмотришь малую былинку.
Я же знаю здесь в лесу каждую тропинку.
До малинника свожу, и грибы поищем.
Не совру, если скажу, что их больше тыщи. –
Углубились в лес и там бегают, играют,
И грибочки собирать всё ж не забывают.

Смотрят, девочка сидит на пенёчке, плачет.
Увидала их, затихла, испугалась, значит.
Кася смело подошёл и сказал: – Я Кася,
А вот он – мой лучший друг, звать его Букася.
Мы в деревне знаем всех, а ты кто такая?
– Светик я, – ответила девочка, вздыхая. –
Я за бабочкою шла и вдруг заблудилась,
Если б мама нас нашла, вот бы удивилась.
– Мы сейчас вон ту малину быстро соберём,
А потом тебя в деревню к маме отведём.
Кася знает все тропинки, и нам по пути.
– А втроём намного лучше, веселей идти.

Вдоль деревни, прямо к дому, троюшка идёт,
А навстречу мама Светы. Ох, ей попадёт!
Но увидев их улыбки и малины горсти,
Мама Свету обняла, позвала всех в гости.
Будет некогда теперь Светику скучать,
А с друзьями и в лесу можно поиграть.

Мама с бабушкой на грядках трудятся с утра:
– Не мешайте нам, идите лучше со двора. –
Светик с новыми друзьями вышла на опушку.
Хорошо в леске гулять, слушая кукушку.
Стали в прятки играть. Светику легко ли

Их в таких кустах искать, провалились что ли.
Вот качнулись лопухи. Кто там за листьями?
Подошла, щенок сидит с длинными ушами.

Он доволен, что нашли, хвостиком виляет.
А вот как его зовут, он и сам не знает.
Вдруг он ушко приподнял, стал чего-то слушать.
Это мама на обед позвала всех кушать.
Шарик первый побежал, словно покатился.
Кася фыркнул: – Есть пошёл, даже не умылся. –
– Шарик, нас хоть подожди! – Светик прокричала, -
Познакомиться ведь надо с мамой сначала. -
Для знакомства мама супу в миску налила,
А потом ещё, по дружбе, кости две дала.
Шарик тут же удалился с ними под крыльцо.
Может быть, он кости любит больше чем мясо.

К бабе Дуне слушать сказки все пошли гурьбой.
Шарик тоже, всех быстрее, как к себе домой.
Вышла баба на крылечко, смотрит, не поймёт.
Рыжий шарик появился у её ворот.
Улыбнулась баба Дуня, – Это кто такой?
Заходи, только калитку за собой прикрой. -
Шарик чутко поднял ухо, к бабе подкатился.
– Я на шаре прилетел, а потом спустился.
– Врёт он. Я его нашла. В лопухах сидел он.

– И в лесу живёшь, наверно, раз такой ты смелый?
– Нет, могу жить во дворе. Сторожить дом буду.
– А питаться будешь где, или так, повсюду?
Есть-то нечего у нас, ни мяса, ни косточки.
И крупы у нас осталось чуть побольше горсточки.

Вот у Светы тебя смогут сытно прокормить.
Ну, а к нам всегда ты можешь в гости приходить, -
Так сказала баба Дуня. Шарик лёг у ног.
Сказку слушали, а в доме песню пел сверчок.

На другой день, утром, Света вышла погулять.
Шарик бросился ей в ноги, хочет поиграть.
Стали бегать. Вдруг к калитке мальчик подошёл.
Он был чем-то недоволен, странно себя вёл.
И сказал: – В этой деревне вовсе нет ребят.
И здесь тоже. Что ж придётся мне идти назад.
С девочками не играю, они плаксы все. -
Шарик аж подпрыгнул: – Знаешь, Светик лучше всех.
Вот Букашенька придёт, он тебе покажет. -
Глядь, а он уже летит, да и с Касей даже.
Мальчик так был удивлён, что остановился.
А Букася перед ним плавно опустился.
А потом он поднял Свету и с ней сделал круг.
Та, хотя и оробела, скрыла свой испуг.

Мальчик восхищён был этим. – Здорово! – сказал.
– Что Букася есть на свете, до сих пор не знал. -
Кася снизу промяукал: – А тебя как звать?
– Вова. На велосипеде я могу катать.
У меня он двухколёсный, и ещё есть круг.
На воде удержит, если что случится вдруг. –

Так вот с Вовой подружились, и пошли к нему.
Встретили телёнка Муню, он сказал им – МУ.
Взяли мяч и – на поляну, все, играть в футбол.
Муня был воротами и мычал – Му-Гол.

Как обычно, вечерком, собрались у Дуни.
Вова первый раз пришёл, не было лишь Муни.
Кася вспрыгнул на колени, Шарик сел у ног.
Очень любит слушать сказки маленький щенок.

Сказка

Сказка это или был
Знает шёлковый ковыль
За рекой Сурой широкой,
За горой, в степи далёкой.
Ветер вольный там гуляет
И ковыль-траву качает.

Не напрасно его гнёт,
Ковыль песенку поёт.
Ну, а ветер песню эту
Подхватил, несёт по свету,
И донёс её до нас.
Жалко, не было там вас.
Да и не было меня.
Ветер пел её три дня.

Вот что ветер пел с утра.
Есть высокая гора.
В той горе пещера есть.
Нелегко туда залезть.
А в пещере великан,
По прозванию – Барабан,
С пузом круглым и тугим.
Барабан доволен им.

Вот что ветер пел в обед.
Барабан не знает бед.
Если кто ему мешает,
В барабан он бьёт, пугает.
От ударов гул такой,
Камни катятся порой.
Он не просто так пугает,
Мир волшебный охраняет.

К ночи ветер чуть шептал:
– Мир затерян среди скал.
Но в затерянном том мире
Всё иное: реки шире,
Травы ниже, горы выше,
И везде намного тише.
В мире том давно живёт
Очень маленький народ.
Я один о нём и знаю,
Я ведь часто там летаю. -

На второй день ветер пел:
– Над горами я летел,
Видел город – огород,
В тыквах там живёт народ.

Всем, что на земле растёт,
Тем и кормится народ.
Одна ягодка у них –
Это завтрак на двоих.
Огурец и помидор –
То – обед на целый двор.
Сок от среднего арбуза
Дня три город пьёт от пуза.
А вокруг цветы и травы,

Это тоже им по нраву.
Окружает мир тот лес,
Пальмы – ростом до небес.
С них кокосы опадают.
Их они с горы спускают
Барабану на обед.
Так живут, не зная бед. -

Ветер в поле погулял
И, вернувшись, продолжал.
Барабан кокосы эти
Более всего на свете
Любит есть, с ними играет,
А скорлупки собирает
И в текучий с гор ручей
Их пускает половчей.
Вниз плывут эти скорлупки,
Как кораблики и шлюпки.
Он за ними наблюдает,
В пузо бить не забывает.

Вот и третий день идёт.
Ветер всё ещё поёт.
Но тревогою полны
Звуки плачущей струны.
Слышен в них и треск и скрежет,

Будто кто деревья режет.
То машины в лес пришли
И его весь потрясли.
Мочи нет у великана
Защитить лес от тарана.
Бей – ни бей в свой барабан
Пропадёт наш великан.
И волшебная страна
Будет вся разорена.

Светик тут заплакала – жалко великана.
А бабуля вынула платочек из кармана,
Слёзы стала утирать, это же всё сказка,
Но и им в лесу нужна и любовь, и ласка.
Вова тоже, чтоб утешить Светика, сказал:
– Я вчера велосипеду шины накачал.
Завтра я тебя до речки быстро прокачу.
– А я с Касею над вами тоже полечу, -
Сказал радостный Букася. – Ну, а как же я? -
Тявкнул Шарик. – И ты с нами, как же без тебя!

Утром Муня и Бурёнка вот что наблюдали.
Мимо луга нёсся Вова, жмя на все педали.
На багажнике сидела Светик с ярким кругом.
Выше них летел Букася с Касей – лучшим другом.
Сзади всех катился Шарик с очень звонким лаем:

– Муня, к речке приходи, там и поиграем!

Вова тут же показал, как умеет плавать.

Шарик у реки застыл и стал громко лаять.

Увидал скорлупки он, что плывут по речке.

И у Каси от волнения ёкнуло сердечко.

Может это великан в речку их пускает.

И Волшебная страна где-то погибает.

И река течёт с горы, всё сошлось точь-в-точь.

Значит, то была не сказка. Надо им помочь.

Как Волшебную страну от машин укрыть?

Может просто написать: – Лес нельзя рубить! –

Все заторопились к Вова, кое-кто бегом,

Вова ведь писать умеет, у него альбом.

Вова жирно на листочке, так и написал.

А Букася: – На разведку, я бы в лес слетал. –

Но тут дружно пропищали Светочка и Кася:

– Одного мы не отпустим, миленький Букася. -

И тогда корзинку Вова взял из-под грибов.

Кася сразу ловко впрыгнул, да и был таков.

Шарик тоже завалился, Касю придавив.

И хотя он с Касей дружит, не всегда учтив.

– И ещё возьмите кнопки, может, пригодятся, -

Молвил Вова, – Ну, а с ними сможешь ты подняться? -

Тут Букашенька с корзинкой высоко взлетел

И вдоль речки прямо в гору быстро полетел.

Две головки из корзинки на гору глядели.
Чтобы лучше видеть всё, снизиться хотели.
Вдруг заметили пещеру, прямо у ручья.
Может это великана, или же ничья.
Опустились, кто-то был здесь, но нет великана.
Он, наверное, ушёл нынче утром рано.
И осталась где-то здесь чудная страна,
В зарослях она укрыта, так что не видна.
Тут слышался шум дальний, лязганье машин,
Значит, мы почти у цели и не зря спешим.

К шуму прямо полетели, видят – суета.
Валят мощные деревья, стонет красота.
Поспешили на сосёнке листик прикрепить

**ЗАПОВЕДНИК
НЕ ШУМИТЕ!
ЛЕС НЕЛЬЗЯ РУБИТЬ!**

Хорошо, успели сделать всё, что здесь смогли.
Может быть, от разоренья целый мир спасли.

В играх быстро пролетели летние денёчки.
Стало утром холодать, удлинились ночки.

Вову мама увезла, ведь не здесь же школа.
Остальные собрались, им не до футбола.
Светик чуть не плачет, завтра тоже уезжает.
Шарик хвостиком виляет, Свету утешает:

– Приезжай, а мы с Букасей будем тебя ждать.
Жить я буду под крылечком, домик охранять. -
Тут и Кася промяукал: – Можешь жить у нас.
Баба Дуня вам оставит весь съестной припас.
Бабу в город забирают, и меня берут.
Старая она, больная, тяжело ей тут.
– Я к вам, может быть, слетаю, – вдруг сказал Букася. -
Только как же я узнаю, где живёшь ты, Кася?
Город ведь такой большой. Есть ли там примета?
– Нет, придётся, видно, ждать будущего лета.

*(Здесь представлено, в стихотворной форме,
начало большой сказки «Букася и его друзья».
В полном объёме, в прозе с иллюстрациями,
её можно прочитать и скачать в электронной
библиотеке ЛитРес)*

Мы пишем жизнь

Мы пишем жизнь. Картина велика.

В ней невозможно лишнее стереть.
Все краски надо класть наверняка.
И хорошо бы жить и не стареть.

Чтобы палитра красок не темнела
И радовала сердце вновь и вновь.
Чтобы душа, как жаворонок, пела
Над полем, называемым – любовь.

И песню эту, может быть, услышит,
Откликнется такая же душа.
И звонкой трелью выше, выше, выше
Охватит мир, явление верша.

Так бы и жить, душой перекликаясь,
Встречая солнце рано поутру,
И к вечеру на поле возвращаясь,
Любуясь разнотравьем на ветру.

Будет ли так? И что готовит случай?
Нам не дано судьбу предугадать.
Возможно, скажут: «Человек везучий!»
Так стоит ли напрасно унывать?!